

Евгений Карнович

Покинутый замок

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Покинутый замок

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Среди шумного веселья воевода становился вдруг печален и сумрачен, часто он что-то шептал, крутя в тяжёлом раздумье свой седой ус. Молиться он стал ещё усерднее, а каждую среду, пятницу и субботу лежал по несколько часов крестом на полу посреди своей каплицы. Говорили также, что он назначил несколько тысяч дукатов на постройку обширного монастыря... недалеко от другого своего замка, называвшегося Ильговым. Странное дело вышло в этом замке: из него вдруг, по приказанию воеводы, выехала вся прислуга, а между тем в этот замок стал ездить иногда он сам в сопровождении своего духовника и самого доверенно при нём человека – старика управляющего...»

Евгений Петрович Карнович Покинутый замок

В Придольском замке делались большие приготовления к свадьбе Яцека с Вандою. Свадьба была назначена на весну. Весело и широко жил теперь пан-воевода, гости у него были безвыездно. Пирыв не прекращались. Но среди шумного веселья воевода становился вдруг печален и сумрачен, часто он что-то шептал, крутя в тяжёлом раздумье свой седой ус. Молиться он стал ещё усерднее, а каждую среду, пятницу и субботу лежал по несколько часов крестом на полу посреди своей каплицы. Домашние и знакомые думали, что воевода оплакивает под старость грехи и заблуждения своей молодости, как это очень часто делывали его современники. Ходил даже в околотке слух, будто бы воевода, отпраздновав свадьбу Илинича и передав ему всё своё имение, намерен уйти на покаяние в монастырь. Говорили также, что он назначил несколько тысяч дукатов на постройку обширного монастыря во имя св. Андрея, своего патрона, и добавляли даже, что он будто бы выбрал уже место для этой постройки в глуши придольских лесов, недалеко от другого своего замка, называвшегося Ильговым.

Странное дело вышло в этом замке: из него вдруг, по приказанию воеводы, выехала вся прислуга, а между тем в этот замок стал ездить иногда он сам в сопровождении своего духовника и самого доверенного при нём человека – старика управляющего.

Всех чрезвычайно занимала эта таинственность, но никто однако не решался спросить воеводу о причинах его печали и его поездок в покинутый замок. Разведывать же об этом стороной было и неудобно, и бесполезно, так как никто не мог сказать ничего определённого. Вскоре распространилась молва, что в родовом замке воеводы поселилась нечистая сила. Рассказывали, что в глухую полночь окна замка горели иногда таким ярким светом, как будто там шли какие-то пиры, и что в это время на далёкое расстояние неслись из замка шум, стук, крик, хлопанье в ладоши и какой-то нечеловеческий хохот, которому злобно вторили в чаще леса. Говорили также, что в замке являлись разные недобрые предзнаменования и что между прочим, в одной из его зал, нашли пустой новый гроб, приходившийся как раз по

росту воеводы, и что на дощечке, привешенной к гробу, было написано: гроб назначается для раба Божия Андрея.

В ту отдалённую от нас пору, суеверие и предрассудки были ещё в силе во всей Европе, и потому нет ничего удивительного, что подобные явления впечатлительно подействовали на воеводу, который хотя и был бесстрашен в виду всевозможных опасностей и даже явной смерти на поле битвы, но за всем тем крепко побаивался дьявольской силы и разных бесовских наваждений. Воевода заметно осунулся. Часто, отчитав молитвы и Спасителю, и Богородице, и первенствующим святым, а также прославословив не раз Святого Духа, старик начинал мысленно перебирать в подробностях свою жизнь и заботливо отыскивать в ней следы прегрешений.

Конечно, и у воеводы, как и у каждого доброго христианина, находились кое-какие грехи. Не говоря уже о некоторых грешках, свойственных вообще шаловливой юности, оказывалось, что воевода раза два дерзнул усомниться в правосудии и благодати Божией, что он однажды посмеялся над тучным монахом,

что он как-то неохотно оказал помощь ближнему, что увидев в костёле образ какой-то великомученицы, он нашёл, что лик её похож на личико одной прехорошенькой пани, на которую не без биения сердца заглядывался молодой в ту пору Ильговский. Припоминая свои старые грехи, воевода находил однако, что все они давно уже искуплены или чистосердечным покаянием, или милостынею, или щедрым вкладом в монастырскую и церковную казну, или учащённым чтением молитв и канонов, или выкупом христиан из басурманского плена. Заботливый воевода не упускал при этом из виду и того ещё обстоятельства, что слишком важные грехи, особенно по части телесного вожделения, были искуплены его спиною и боками под ударами ремённой плети, которою в то время бичевали себя истинно кающиеся грешники... Короче, при самом строгом расчёте с совестью, воевода, по крайней мере своему разумению и по рассуждению его духовного отца, не находил в своей жизни ни одного столь важного прегрешения, которое вызывало бы на него кару Божию с такими страшными предзнаменованиями.

ями, какие стали теперь являться в Ильгове.

Не чувствуя собственно за самим собою чрезвычайной вины пред Господом, набожный воевода обращался в деяния своих предков и полагал, что он, как последний в роду, должен был, по всей вероятности, искупить какие-нибудь тяжкие грехи прародителей. Надобно сказать, что между разными поверьями у польской шляхты было сознание, что если родовитый шляхтич пользовался особым почётом и выгодами за доблестные деяния предков, то он вместе с этим не должен был забывать и того, что иногда за самые отдалённые грехи его прародителей он, без собственной вины, мог быть наказан десницею Божию.

Воевода тщательно перебирал все фамильные предания, и в крайней своей скорби находил, что в длинном ряду предков были и такие, которые своим жестокосердием действительно могли накликать кару Господню на последнего представителя их имени.

Пан Ильговский тосковал и молился, а между тем приготовления к свадьбе его наследника шли своим чередом.

Молва о ночных ужасах, происходивших в Ильгове, увеличивалась всё более и более, и наконец с достоверностью стали рассказывать, что там дело дошло уже до того, что, как-то в полночь, одного старого слугу воеводы, решившегося переночевать в конюшне, схватили страшные черти, подняли на вилы и затащили в лесную глушь, где и посадили чуть ли не на самую верхушку огромной сосны.

Настал Духов день; в этот праздник ведётся в Польше, как и у нас русских, обычай ставить около жилищ молоденькие берёзки. В ту пору, о которой идёт речь в нашем рассказе, этот обычай соблюдался весьма строго, и потому в Духов день, как в богатых замках, так и в убогих лачугах все пороги и стены были обставлены молодыми берёзками, а ветки их висели на потолках; полы всюду были устланы травой, за иконы были заткнуты пучки душистых растений; рога у коров и баранов были обвиты зеленью, а у коней, шедших в этот день в упряжке, были вплетены в гриву цветы и зелень. Всё казалось садом или ле-

сом, так что поляки не даром называют этот день "Зелёным праздником".

Весь Придольский замок был покрыт снаружи свежей зеленью, а комнаты замка были наполнены запахом душистых трав. Сюда съехалось к этому дню множество гостей; всё было шумно и весело; но не так выглядывал в этот день другой, покинутый всеми замок воеводы. Он стоял пуст и мрачен, яркая весенняя зелень не украшала его стен и башен; замок смотрел вовсе не празднично, а окружающий его сосновый дремучий бор придавал этой почернелой громаде какой-то особенный, печальный вид.

Гости, смотря на воеводу, старавшегося как будто насильно быть весёлым, перешёптывались втихомолку о том, что делалось в Ильгове, и по временам вполголоса толковали между собою о конфедерации, составлявшейся в то время против короля. Некоторые из гостей уверяли, что главным местом сбора для конфедератов были назначены леса, окружавшие Ильговский замок, и заявляли догадку, что по всей вероятности воевода ездит теперь туда по этому делу. Все желали знать, действи-

тельно ли пристанет в противникам короля такой богатый и знатный магнат, каким был Ильговский, но так как на первых порах конфедерация составлялась втайне, то никто не решался заговорить об этом с воеводой, а между тем его задумчивый и беспокойный вид ясно показывал, что воевода слишком озабочен какою-то думою.

Несмотря на это обстоятельство, праздник шёл очень шумно. На дворе замка молодёжь устроила скачки. Всадники, носясь во всю прыть на лихих конях, снимали саблями кольца, развешенные на столбах, и рубили на всём скаку татарские головы, сделанные из дерева. Гости между тем смотрели с крыльца на эту забаву. Вечером начались танцы. Илинич первенствовал во всём; никто из гостей не снял столько колец и не съёл столько голов, сколько он; никто из гостей с такой ловкостью и с таким увлечением не плясал мазурки, как он, в особенности когда становился в круг с своей стройной и хорошенькой невестой.

Косо однако смотрели на него братья Пешковские, приятели пропавшего папа Кмиты,

обманувшиеся в надеждах на счёт воеводского наследства, перешедшего к Илиничу. Целый день они старались превзойти его в рыцарских забавах, но им не удавалось это, потому что Яцек постоянно брал над ними верх. Во время танцев они подсмеивались над женихом и очень часто, отходя в угол залы, шептались о чём-то с худо скрытою злобою.

За ужином они как будто нарочно повели речь об Ильгове, и говоря о происходивших там диковинках, стали утверждать, что без сомнения между присутствующими не найдётся никого, кто бы отважился переночевать в страшном замке.

– Я думаю, – добавил один из братьев Пешковских, – что даже у храбрейшего между нами, у пана Илинича, не достанет на это храбрости.

– Разве дело пойдёт о другом каком-нибудь наследстве?.. – колко заметил один из недоброжелателей Илинича.

Между гостями начались споры; одни утверждали, что храбрость Илинича не знает границ, другие же, напротив, подзадоривали молодого человека, замечая, что храбрость

храбрости рознь, и что в одном случае можно быть храбрецом, а в другом трусом.

– Это правда, – подхватил Викентий Пешковский, – я, например, вполне уверен, что пан Илинич, если я оскорблю его, непременно вызовет меня на поединок, но я знаю также очень хорошо, что он не пойдёт ночевать в Ильговский замок.

Илинич не мог долее выдержать этих подстреканий и колкостей, тем более, что он догадывался из-за чего шло всё дело.

– Я согласен переночевать в замке, – сказал Илинич, – но с тем однако условием, что если я исполню это, то пан Викентий с своей стороны должен будет отлаять под столом свои речи. Если он согласен на это, то пусть протянет мне руку.

– Согласен, – проговорил решительным голосом Пешковский, подавая Илиничу руку.

Чтоб объяснить предложение Илинича насчёт отлаивания, надобно сказать, что в старинной Польше вёлся такой обычай: тот, кто признан был клеветником, должен был, для удовлетворения оскорблённого, подлезть под стол и оттуда при свидетелях три раза прола-

ять по собачьему. Смысл такого удовлетворения очень ясен: принуждённый таким образом удовлетворить своего противника терял уже навсегда доброе имя.

– Остановитесь господа, – сказал суровым голосом воевода, – такие споры могут идти только между пустыми ветрогонами, а людям рассудительным они вовсе не кстати.

– Опоздали уже твои советы, ясновельможный пан, – сказал почтительно, но твёрдо Илинич, – меня обозвали трусом; но ещё до сей поры я не прощал этого никому, хотя я и был бедный и не знатный шляхтич.

– Я ничего не сказал бы против этого, – возразил воевода, – если бы вы поспорили о деле обыкновенном; но знаете ли вы что делается в Ильгове?

Все смолкли и с любопытством смотрели на воеводу, ожидая его рассказа.

– Там работает нечистая сила, – проговорил глухим голосом Ильговский, – и связываясь с нею можно погубить душу великою ответственностью перед Богом.

– Одно из двух, ясновельможный пан, – подхватил не без некоторой запальчивости

Илинич, – или нужно идти на это дело во имя Божие и, что бы там ни случилось, смело ожидать конца, или же нужно проститься навсегда с доброй славой.

– Правда, правда, – проговорил воевода, – жаль только, что нечистый подбил тебя, пан Викентий, на такой разговор, – добавил Ильговский, обращаясь в Пешковскому. – Теперь, конечно, нечего делать; поезжай завтра в Ильгов, мой любезный Яцек, да сохрани тебя крест Господень от всякой напасти!

На другой день вечером Илинич стал прощаться с воеводою; он схватил руку своего благодетеля и крепко поцеловал её. Нужно было проститься и с невестой.

Подходя в той комнату, которая была отведена в замке воеводы для Ванды, жених её чувствовал, что у него билось и замирало сердце и что колени его дрожали. Илинич сам не знал на что ему решиться: перенести ли всю тоску томительного прощания или уехать из замка, не повидавшись с Вандой. В то время, когда он раздумывал об этом, в соседней комнате слышались лёгкие шаги молодой девушки, и Ванда, бледная, с запла-

канными глазами, кинулась в своему жениху.

– И тебе не жаль, что я так страдаю?.. – проговорила она с лёгким упрёком, с трудом сдерживая слёзы, набегавшие в её чёрные очи.

– Ванда, друг мой, – говорил ласково Илинич, – неужели же ты хочешь иметь такого мужа, на которого все станут показывать пальцем, приговаривая: вот это тот самый Илинич, который перенёс обиду потому только, что побоялся вздорных сказок? Неужели ты думаешь, что если бы я был трусом, то я был бы достоин тебя? Разве рука мужчины, не сумевшего оборонить свою собственную честь, может пожать руку женщины, которая отдаёт ему себя.

– Какая мучительная ночь ожидает меня! – вскрикнула с отчаянием Ванда.

Она схватила себя за голову, и белые её пальчики потонули в прядях тёмных волос, которые от сильного движения рассыпались по плечам.

– Не тревожься моё сокровище. Я не боюсь дьявольской силы – имя Божие защитит меня от напастей; а от злых людей обережёт меня

моя сабля.

– Я всю ночь останусь в каплице, – лепетала Ванда, – я предчувствую что-то недоброе; я буду молиться за тебя и быть может Господь услышит мою горячую молитву. А теперь, – добавила Ванда, – снимая с шеи цепочку с серебряным ковчежцем, – возьми эту наследственную нашу святыню. Она была привезена нам издалека...

Илинич с благоговением принял от невесты ковчежец с мощами великомученицы Варвары. Он надел цепочку на шею, крепко прижал к своей груди плакавшую невесту, и продолжительный поцелуй окончил их горькое прощание.

– Кто знает, – подумали разом и Ванда и Илинич, – быть может этот первый поцелуй был также и последним.

Яцек опрометью кинулся на крыльцо замка; подле крыльца ждал уже своего хозяина гнедой конь; проворно вскочил на него Илинич, поднял голову и увидел в окне Ванду, которая посылала ему рукою прощальный поцелуй...

Во весь опор скакал Илинпч к Ильговскому замку, за ним едва поспевали ехавшие позади него два всадника. Наступали сумерки, а между тем густые тучи стали заволакивать небо. Но вот, показались уже невдалеке и башни Ильгова. Его почернелые стены и осыпавшаяся черепичная кровля как будто говорили, что над этой молчаливой громадой уже пронеслось несколько столетий. Из расщелин крыши и стен выступал кудрявый мох и поросли деревьев. Глубокие рвы, грозно смотревшие бойницы и узкие висячие мосты напоминали, что замок этот старались сделать когда-то недоступной твердыней. Внутреннее устройство замка подтверждало назначение его как крепости; под ним, между прочим, были устроены длинные подземные ходы; эти ходы извиристо шли в глубь окрестных лесов, где жители замка, в случае неприятельского погрома, могли найти для себя надёжное убежище.

Замок этот с незапамятных времён принадлежал Ильговским, которые по нему и получили своё фамильное прозвание. Долгое время Ильгов был роскошным местом пребы-

вания польских магнатов, и тогда из бойниц смотрели пищали, а многочисленная стража постоянно ходила на валах и на башнях. Когда же один из Ильговских лишился вдруг в этом замке самым неожиданным образом любимой жены и двоих сыновей, то печально и тоскливо стало казаться ему жилище, в котором он прежде проводил так счастливо время среди самых отрадных надежд.

Тяжёлая постройка замка и печальное однообразие окружавшего его бора наводили безотчётную тоску на непривычного посетителя этих мест. Замок смотрел ещё сумрачнее после того, как покинули его сперва владельцы, а наконец и прислуга; двор зарастал густой травой, цепи подъёмных мостов, а также железные скобы на воротах и их огромные петли покрывались красно-жёлтой ржавчиной, флюгера на башнях замка покривились и уныло скрипели в ветряную погоду, трубы осыпались, а во рвах вода покрылась густою тиною. Всё было в забросе и в запустении.

Страшная молва, которая, как мы сказали, начала распространяться о покинутом замке,

отгоняла от него проезжих и прохожих во всякую пору, в особенности же тогда, когда начинало садиться солнце и близились сумерки и ночь. Все с ужасом спешили удалиться от этого заклятого места, и потому окрестные поселяне не мало подивились, когда они увидели в поздние сумерки трёх всадников, скакавших к страшному месту.

Илинич и его спутники подъехали в замок; из них первый въехал во двор замка; двое же других затворили за ним плаксиво заскрипевшие ворота и забили их большим волом, так что теперь уже не было никакой возможности выйти из замка без посторонней помощи извне.

Войдя во двор замка, Илинич соскочил с коня и отвёл его в конюшню. Изумился Илинич, найдя там и засыпанный овёс, и большой ворох сена. Борясь и с неверием к дьявольским наваждениям, и с суеверным страхом, который так свойствен людям, Илинич не знал, как объяснить эту странность.

Привязав коня, одинокий Яцек вошёл в замок. Какими-то бесконечными пропастями казались ему в полутьме пустые и огромные

залы. Всё было тихо, и только эхо повторяло каждый шаг и каждый шорох Илинича; несколько раз останавливался он посреди залы, притаив дыхание, желал удостовериться в тишине, господствовавшей вокруг него.

Переходя из залы в залу, Илинич вошёл в круглую комнату, составлявшую часть башни; заметно было, что комната эта служила некогда оружейной. На стенах её оставалось ещё кое-какое старое оружие, висели оленьи рога и кабаньи клыки.

– Вот здесь переночую я, – подумал Илинич.

В это время набегавшие на небо тучи стали мало-помалу рассеиваться и в проредях их выглянул месяц, бросивший полосы золотистого света в узкие окна замка. Илинич, пользуясь этим, подошёл к окну и при свете луны осмотрел винтовку и саблю. Оказывалось, что нечистая сила не свернула замка на винтовке и не забила её дула и не надломил клинка сабли. Успокоившись от суеверного страха, Илинич снял с груди ковчежец, данный ему невестой, поцеловал его и положил его перед собою на столе, а потом, став на колени, на-

чал молиться. Долго и усердно молился он, поминая в своей молитве Ванду, которая каким-то лёгким призраком носилась в его тревожных мыслях.

Окончив молитву, Илинич, в ожидании рассвета, прилёг на дубовой скамье.

Он уже начинал полудремать, когда в отдалённых покоях замка послышался какой-то шум. Илинич привстал, взялся сперва за ружьё, потом за рукоятку сабли, и крепко сжав её начал прислушиваться. Шум становился всё явственнее, и наконец в соседней комнате, послышались тяжёлые шаги нескольких человек.

– Пресвятая Богородица, помоги мне!.. – прошептал Илинич и приготовился к обороне.

Едва начало светать, а уж в Придольском замке все поднялись на ноги.

Как только проснулся воевода, то первыми его словами были: "А что, пан Яцек вернулся из Ильгова?"

Опечалился Ильговский, получив отрицательный ответ. Он приказал закладывать по-

скорее лошадей и в сопровождении нескольких шляхтичей, живших при его дворе, отправился в Ильгов, запретив сказывать гостям и в особенности Ванде об этой поездке. Не успел, впрочем, воевода выехать из ворот, как в замке поднялась суматоха – Ванда пропала.

Долго искали её все, а в том числе и сам воевода, который однако нашёл молодую девушку, заглянув в каплицу. Там, заливаясь слезами, Ванда лежала на ступенях алтаря. Она не заметила, как взглянул на неё воевода; Ильговский же не велел тревожить Ванду и поспешил выехать из замка.

Путь был не слишком далёк, и воевода скоро подъехал к покинутому жилищу своих предков. Проворно прислужники его отбили кол, припиравший ворота, и Ильговский, с живостью юноши выскочив из колымаги, пошёл в замок в сопровождении всех приехавших с ним.

Сердце старика сильно забилося, когда при самом входе на лестницу он увидел на её ступенях следы ещё не запёкшейся крови; тревожно спешил он из покоя в покой по крова-

вому следу и наконец вошёл в оружейную.

– Боже мой! Что здесь такое?.. – вскрикнул с ужасом Ильговский.

Посреди залы лежал Илинич, облитый кровью; одной рукой он силился зажать рану на голове, как будто желая удержать струившуюся из неё кровь, другой рукой он сжимал окровавленную саблю.

– Зачем ты не послушал меня, дорогой мой Яцек... – бормотал старик, ломая в отчаянии руки.

Ильговский стал на колени подле раненого и тревожно смотрел, не таится ли ещё в нём признаков жизни.

– Он ещё жив! – радостно вскрикнул Ильговский, продолжая смотреть на Илинича, который в это время силился открыть глаза.

Между спутниками воеводы находились и такие, которые уж не раз бывали в битвах и умели обращаться с ранеными. При Илиниче нашли кусок хлеба, кусок этот обмотали паутиной и, сделав из него род пластыря, приложили к ране. Кровь вскоре унялась. Принесли воды, обмыли лицо и голову Илиничу, и после этого признаки возвращавшейся в нему

жизни сделались заметнее. Бережно положили раненого в колымагу, а между тем воевода разослал бывших при нём шляхтичей во все стороны искать лекарей.

Колымага двинулась в обратный путь шагом. Воевода боялся, что скорая езда раскроет рану Илинича, и старик беспрестанно напоминал, чтоб ехали как можно осторожнее.

Когда в Придольском замке увидели медленно двигавшийся поезд воеводы, то все догадались, что наверно случилось что-нибудь недоброе.

– Пойдём, пойдём навстречу! – говорила дрожащим голосом Ванда, судорожно схватив за руку своего отца и силясь увести его за собою.

Пан Дембинский исполнил желание дочери, и когда они второпях выбежали на крыльцо, колымага уж въезжала в ворота замка.

Бледная как лилия и неподвижная как мраморная статуя стояла растерянная Ванда.

Колымага подъехала в крыльцо. Ванда в одно мгновение как будто ожила. Воевода, не говоря ни слова, отворил дверцы колымаги. Быстро вскочила молодая девушка на под-

ножку, и с неё упала без чувств на руки своего отца.

Полумёртвого Илинича стали вынимать из колымаги, и между тем кругом раздавалось аханье и оханье, сожаления и расспросы.

Все горевали о молодом человеке, поплатившемся, как казалось, жизнью за свою безумную отвагу.

Ильговский замок сделался после этого ещё страшнее, нежели был прежде. Все чудесные о нём рассказы получили теперь полную веру.

Спустя три дня после привоза Илинича в Придольский замок, из ворот этого замка, в светлое майское утро, медленно выступало погребальное шествие. Жалобно пели ксёндзы надгробные молитвы; за ксёндзами шло множество народа со свечами и факелами, далее шесть молодых людей несли обитый пунцовым бархатом гроб, на крышке гроба лежало под миртовым венком оружие покойного. За гробом медленными неровными шагами шёл старик-воевода с поникшей головой, невдалеке от него едва переступала рыдающая Ванда. Дембинский поддерживал и уте-

шал дочь, но все усилия были напрасны. По сторонам и сзади Дембинского шла толпа гостей, приехавших на свадьбу и попавших на похороны.

Разноречиво толковали о смерти Илиничате, которые шли за его гробом. Передавали между прочим достоверно, что когда умиравший Яцек пришёл на несколько времени в память, и когда Ванда, стоя у его постели на коленях, со слезами умоляла его рассказать о том что с ним случилось в Ильгове, то будто он отвечал на все просьбы своей невесты, что не может ничего рассказать, так как он связан клятвою молчать обо всём что с ним было в Ильгове.

Ванда после смерти жениха ушла в монастырь. Спустя несколько месяцев умер воевода, не сделав никакого завещания, и потому все его богатства перешли к одному из самых дальних его родственников, который вовсе не ожидал такого несметного наследства.

Минуло слишком сорок лет со дня смерти Илиничата.

Однажды осенью в небольшом домике

шляхтича Свобельского собрались гости, и один из них стал рассказывать о том, как в его стране какой-то богатый недобрый пан лишил убогого шляхтича последних крох, а потом коварно погубил его.

– А вот постоит-ка, – сказал хозяин, – я расскажу вам любопытный случай из собственной моей жизни. Есть что послушать.

Все призамолкли; старик откашлялся и начал рассказывать следующее:

– Вы верно слышали, что лет сорок тому назад, знатный и богатый в своё время воевода Гаданский поднимался против короля Яна Казимира. Этот пан был человек чрезвычайно надменный, хотя и был набожен и носил монашескую одежду. Усердствовал воевода Гаданский церкви Божией, делая богатые вклады на костёлы и монастыри, а между тем угнетал бедных и подвластных. Захотелось пану попасть в краковские каштеляны, но он обманулся в своих расчётах, так как король назначил на эту важную должность не его, а другого. Рассердился воевода на короля и начал составлять в одном из городов недалёких от Кракова конфедерацию против короля Яна

Казимира, и когда воеводе был предъявлен королевский приказ, в силу которого он должен был удалиться из города, то он во всеуслышание сказал: "хорошо; я уйду из города, но зато и король уйдёт из Польши".

Правда, что предсказание его не сбылось, но зато пан Гаданский много наделал хлопот и королю, и тем магнатам, которые держали сторону его королевской милости. Вы конечно знаете Придольский замок и Придольские леса, или по крайней мере слышали о них. Вот в этих-то лесах и стали собираться конфедераты, а чтоб им никто не мешал, пока дело велось в тайне, они и распустили слухи о разных чудесах, которые будто бы деялись в этом давным-давно заброшенном замке. Народ то в ту пору был ещё полегковернее, чем теперь. Стали верить, и пошли ходить страшные рассказы о замке по всему околотку, все стали бояться этих мест до такой степени, что и проезжие, и прохожие старались миновать Придольский замок и его окрестные леса.

В то время я был куда как молод. Кровь сильно кипела во мне; мне очень хотелось побывать в бою, а между тем в эту пору Поль-

ша жила мирно со всеми своими соседями, воевать было не с кем. Вот я и воспользовался конфедерацией пана Гаданского, да и пробрался к нему в лес.

Около осени приехали к нам туда какие-то три панича и приказали, чтобы их прямо вели к пану воеводе, нашему предводителю. Поговорив особняком с паном Гаданским, молодые люди записались в наш отряд; один из них назывался Кмита; двое других были братья Пешковские.

Должно быть у всех у них было что-то недоброе на сердце, потому что они избегали людей и общих разговоров; они держались ото всех в стороне и только украдкой шептались о чём-то между собою. Впрочем па такие пустяки никто из конфедератов не обращал тогда большего внимания, потому что каждый из нас был занят своим делом. Однажды, как теперь помню, на другие сутки после Духова дня, я и двое других моих товарищей получили от воеводы приказ – быть во всякое время готовыми на призыв пана Кмиты. В военной службе рассуждать не приказывают, и хотя каждый из нас по поводу такого неужи-

данного распоряжения и подумал многое, однако мы исполнили приказ в точности. Недолго впрочем нам пришлось ожидать, потому что б этот же день вечером пан Кмита повёл нас в Придольский замок; вместе с нами пошли туда несколько его прислужников с факелами.

Мы вошли в замок, миновали несколько комнат и наконец вошли в круглую залу, которая, казалось, была когда-то оружейной. Здесь мы застали какого-то молодого человека. Ох! как гневно взглянул он на нас; несмотря однако на весь гнев, лицо его было чрезвычайно привлекательно. Видно было, что он сперва принял нас за нечистую силу, однако не струсил и её, и выхватя саблю готовился вступить в бой даже с чертями.

Когда же он узнал Кмиту и Пешковского, то опустил саблю и грозно, не говоря ни слова, смотрел на них; Кмита с своими товарищами начали укорять и оскорблять его, и тут-то мы догадались, что дело кончится не шуткой. А сначала мы подумали, что вероятно молодёжь наша хотела позабавиться над каким-нибудь смельчаком, который, желая по-

казать свою удасть, забрался один в проклятый замок.

О чём они между собою спорили в эту пору нельзя было разобрать хорошенько, но спор кончился тем, что наши предложили ему драться со всеми ими по очереди, грозя, в случае отказа его выйти на такой неравный бой, жестоким оскорблением. Пан Илинич, – так назывался, как я узнал после, этот молодой человек, – засвидетельствовал перед Богом и нами, что напасть троим на одного значит поступать бесчестно и затем стал готовиться к поединку.

Перед боем противники Илинича потребовали от него клятву, что если он останется в живых, то не скажет никому что с ним было. Илинич без упорства дал благородное слово, что исполнит их желание.

Не раз после этой страшной ночи приводилось мне быть в кровавых боях и видеть смерть моих храбрых товарищей, но такого боя и такой смерти, какие привелось мне видеть в ту ночь, я не видывал никогда...

Противники стали тянуть жребий: первый узелок достался одному из Пешковских. Завя-

зался бой, но он был непродолжителен, потому что Илинич ловко рубнул своего противника по левому плечу. Раненого вынесли. Второй узелок достался другому Пешковскому, тот бился удалее своего брата и после нескольких ожесточённых схваток он ранил Илинича в руку, но Илинич, несмотря на это, успел отбить готовившийся ему смертельный удар и всадил свою саблю в правый бок Пешковского; вынесли и этого.

Илинич был утомлён до крайности, кровь текла из его раны; он тяжело дышал, и ему был нужен хотя маленький отдых, но пан Кмита настаивал, чтоб он тотчас же дрался и с ним. Легко было догадаться, что над усталым Илиничем возьмёт верх ещё бодрый Кмита. Но этого была мало, и прежде чем Илинич успел приготовиться к отпору, его противник напал стремительно и нанёс ему в голову тяжёлый удар. Илинич закачался и упал на пол, укоряя Кмиту в вероломстве. Тот вышел из себя и, бросившись на лежавшего Илинича, ещё раз со всего размаха рубнул его по голове...

Илинич глухо стонал, но пан Кмита, не об-

ращая на то никакого внимания, велел оставить его одного в замке, а сам со всеми, кто провожал его, вышел оттуда в лес подземными ходами. Признаться, я хотел было испытать мою саблю на голове пана Кмиты, но дело моё было подначальное, да притом я подумал, что око Господне видело всё это и что рано или поздно Господь Бог накажет Кмиту за неправоё дело.

На другой день после этого, я под предлогом, что мне нужно видеть старика-отца, оставил наше сборище, давши честное слово не говорить о случившемся в замке никому до тех пор, пока будут в живых Пешковские и Кмита; теперь их уже нет на свете, и потому клятва моя не обязательна.

Бродя после того долго по свету, я прислушивался к людской молве и наконец узнал, что поединок с Илиничем был за богатое наследство и за дочь какого-то подкомория, которая нравилась крепко и пану Кмите.

– Ну, а что же потом было с Кмитой? – спросила робко одна из девушек, слушавших рассказ старика.

– Пан Кмита погиб страшною смертью, –

отвечал рассказчик, – в одной неудачной стычке он, избегая погони, поворотил в чащу Придольского леса, там наткнулся на стаю волков и был растерзан ими.